

Сергей Лукьяненко

Прозрачные витражи

*Часть сборника
Глубина (сборник)*

Диптаун

Сергей Лукьяненко

Прозрачные витражи

«АСТ»

2000

Лукьяненко С. В.

Прозрачные витражи / С. В. Лукьяненко — «АСТ»,
2000 — (Диптаун)

«В детстве эта игрушка была у меня самой любимой. Паззл как паззл. Собираешь картинку из сотен кусочков разной формы. Только этот паззл был прозрачным. Тоненький пластик переливчатых цветов, мутноватый – но если посмотреть на лампочку, то становится видна раскаленная нить спирали. Я собирала свой паззл почти полгода. Я сама!..»

© Лукьяненко С. В., 2000

© АСТ, 2000

Содержание

0000	5
0001	7
0010	11
0011	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Сергей Лукьяненко

Прозрачные витражи

«Прозрачные витражи», вольное продолжение «Лабиринта отражений» и «Фальшивых зеркал», не совсем обычное произведение. Его первая публикация произошла в Интернете, и написана была повесть в «интерактивном» режиме: каждая глава публиковалась с интервалом в неделю, после чего автор знакомился с мнением читателей о новом фрагменте. Результатом этого стало наличие у повести двух финалов «красного» и «синего». Автор решил оставить оба финала и в печатном варианте повести, так что читатель вправе сам выбрать понравившееся ему окончание произведения.

*У меня есть конкретное предложение –
Заменить все стекла на витражи.
Чтобы видеть в окне не свое отражение –
А цветные картинки и миражи.*

*В этом деле есть одно осложнение –
Слишком много осколков и резаных ран.
Но зато фантастическое впечатление –
Будто в каждом окошке цветной экран.*

*Но я вижу, тебя терзают сомнения –
Ты и в этой идиллии видишь обман.
Что ж, пусть кто-то из нас испытает прозрень –
Когда все миражи превратятся в туман.*

Константин Арбенин

0000

В детстве эта игрушка была у меня самой любимой.

Пазл как пазл. Собираешь картинку из сотен кусочков разной формы.

Только этот пазл был прозрачным. Тоненький пластик переливчатых цветов, мутноватый – но если посмотреть на лампочку, то становится видна раскаленная нить спирали.

Я собирала свой пазл почти полгода.

Я сама!

Он был не для детей, как я теперь понимаю, слишком уж большой. Пять тысяч кусочков прозрачной пластмассы: малиновые и мраморные, лиловые и шоколадные, лазурные и морковные, лимонные и багровые, маренго и мокрая пыль, уголь и кармин. Картинка строилась неохотно, будто ее оскорбляло быть собранной восьмилетней малявкой, упорно копошащейся на полу в детской. Родителям я строго-настрого запретила убираться в комнате – ведь они могли разрушить возникающий под моими руками мир. Мама все равно убиралась, аккуратно обходя пазл, но только когда я была в школе.

А из радужных кусочков возникала стена. Каменная стена древнего замка, покрытая мхом, с выщербленной известью швов, с неяркой ящерицей, распластавшейся под лучами солнца.

И витражное окно. Полупрозрачное, нереальное, за которым угадывались смутные человеческие тени. Цветное окно, где рыцарь в сверкающих доспехах склонился перед прекрасной дамой в белом платье. Паззл еще не был закончен, но я уже могла часами любоваться рыцарем и его дамой. Меня смущало, что доспехи рыцаря, блистающие и великолепные, оказались чуть помяты, а кое-где – даже запачканы грязью. Меня удивляло лицо дамы – в нем не было восторга, скорее – печаль и жалость. И все-таки я смотрела на паззл, придумывая историю рыцаря и принцессы (ведь молодая дама могла быть только принцессой!). Я решила, что рыцарь только что вернулся из одного похода и собирается в другой. Вот откуда вмятины и грязь на доспехах, вот откуда печаль принцессы.

А разноцветные фигурки вставали на свои, единственно правильные, места. Загоралась радуга над рыцарем и принцессой. Рука рыцаря сжималась на рукояти меча. В светлых (как у меня!) волосах принцессы засверкал самоцветами гребень. Ящерица на стене обзавелась подружкой.

Родители перестали улыбаться, глядя на мою борьбу с витражом. Теперь и они любили тихонько постоять, глядя, как возникает цветное окно в серой стене. Наверное, порой они замечали нужные фигурки раньше меня. Но ни разу не подсказывали – так было заведено.

Я сама!

И настал день, когда я поняла – сегодня паззл будет собран. Осталось еще не меньше полусотни кусочков. Самых сложных, почти неотличимых друг от друга. Но я знала, что сегодня увижу картинку всю, целиком.

Я не стала обедать, а потом – ужинать. А мама не стала меня ругать, только принесла чай и бутерброды. Я даже не заметила, как их съела.

Кусочек вставал к кусочку. Цветная мозаика слилась в узор.

И остался последний кусочек – я уже знала какой. Прозрачный, с тремя выступами. Вовсе не главный, всего лишь прозрачный кусочек между склоненной головой рыцаря и тянущейся к нему рукой принцессы. Я протянула руку, пытаюсь найти его на ощупь, не отрываясь от картины.

Коробка с фигурками была пуста.

Потом я перевернула комнату вверх дном. Потом я плакала то на руках у отца, то на коленях у мамы. Отец обещал, что напишет письмо в фирму, выпустившую паззл, и мне обязательно пришлют недостающий кусочек. И даже еще один паззл – в компенсацию. Мама перерыла мусорное ведро и вытряхнула пылесос. Хотя и знала, что там ничего нет.

Поздно вечером я вернулась в свою комнату, к почти собранному паззлу. Если не знать, что одного кусочка не хватает, то это было даже незаметно.

Теперь я знала правду. Знала, почему так печально лицо принцессы и почему так безнадежно-устало склонил голову рыцарь. Им никогда не коснуться друг друга. Между ними – пустота.

Я села на корточки, положила ладони на картинку. И повела левую руку – к себе, а правую – от себя.

Стена замка треснула, ящерицу разорвало пополам, рыцарь рассыпался сверкающими кусочками доспехов, принцесса разлетелась белыми обрывками платья.

Пурпур, ржа, охра, старая медь, беж...

Радуга, цветная метель, крашеный снег...

Когда я впервые увидела дип-программу, то поразилась – как похож ее завораживающий калейдоскоп на старый паззл, рассыпающийся под моими руками.

Но тогда дип-программы еще не было. Ее изобрели тремя годами позже.

0001

У двери я на миг останавливаюсь, придиричиво оглядываюсь в зеркало. Ох и видок... Из зеркала смотрит на меня унылая дама лет тридцати, с брюзгливо поджатыми губами, намечающимся вторым подбородком – хотя фигура скорее костлявая, чем упитанная. Блеклые волосы собраны в тощий пучок, помада на губах слишком яркая, кричащая, а тени на веках – болотно-зеленые. Мышиного цвета платье, крепкие, будто у крестьянки, ноги в теплых чулках. Вроде как и не уродина, но...

Сексапильности во мне – не больше, чем в размазанной по тарелке остывшей овсянке.

Щелкаю свое отражение по носу и выскакиваю из дома. В отличнейшем настроении, бодрая и веселая.

А на улице – хорошо!

Воздух после короткого проливного дождя чистый и свежий, развиднелось и светит солнце. Тепло, но не душно. Во дворе бренчит на гитаре симпатичный парень, и очень хорошо бренчит. Когда я прохожу мимо, он поднимает голову и улыбается.

Он всем улыбается. Он не человек, а программа. Смесь справочного бюро, музыкального автомата и вахтера. Каждый уважающий себя дом Диптауна обзаводится чем-то подобным. Либо играют во дворе неправдоподобно вежливые и умильные детишки, либо сидит на скамейке чинная старушка, либо длинноволосый живописец с мечтательными глазами стоит за мольбертом. А у нас – гитарист.

– Привет, – говорю я ему.

Иногда парень отвечает, но сейчас ограничивается лишь кивком. А я иду дальше. Можно взять такси, но тут недалеко, лучше пройтись. Заодно можно собраться перед беседой.

Дело в том, что на самом-то деле я ужасно трушу.

Диптаун всегда был для меня местом для развлечений. С тех пор, как в двенадцать лет я впервые вошла в *глубину*, тогда еще с папиного компьютера и без всякого комбинезона. Ну а когда у меня появилась своя машина, свой комбинезон – пусть даже «подростковый», без некоторых функций... Целоваться это не мешало.

И я носилась по *глубине*, прилипала то к одной компании, то к другой, дружила и ссорилась, храбро пила виртуальное шампанское, несколько раз виртуально выходила замуж и разводилась. В *глубине* были самые лучшие концерты – на исполинских аренах, над которыми кружились цветные облака и мерцали в такт музыке неправдоподобно яркие звезды. В *глубине* можно было посмотреть самый новый фильм задолго до его выхода на экраны – в роскошных пиратских кинотеатрах. В *глубине* можно было путешествовать – в каждой стране, в каждом городе находится человек, который делает виртуальную копию любимых пейзажей.

Конечно, были те, кто в *глубине* работал. Программисты, которым стали не нужны офисы. Тьма-тьмущая бухгалтеров, дизайнеров, инженеров. Преподаватели, обучавшие студентов со всего мира. Врачи, консультирующиеся друг с другом. Таинственные дайверы – конечно, если они есть на самом деле.

Но мне ни капельки не хотелось заниматься программированием или бухгалтерским учетом! Я даже учиться предпочитала по старинке. И поступила после лицея на юридический факультет: старомодный и солидный.

Но *глубина* все росла и росла. Ей уже не хватало неписаных правил. Ей потребовались законы.

И юристы.

Я сворачиваю с людного проспекта, прохожу маленьким сквером с заброшенным высохшим фонтаном в центре. Вокруг как-то пустеет, будто люди стараются обходить это место стороной.

Неудивительно. Тюремны никогда не пользовались популярностью. Даже виртуальные.

Обнесенное высоким забором с колючей спиралью поверх уныло-серое здание за сквером – это виртуальная тюрьма русского сектора Диптауна. Кто говорит, что мы отстаем от развитых стран? Может быть, в чем-то и отстаем, но пенитенциарная система всегда следит за прогрессом!

Подхожу к единственным дверям в стене – узкие металлические створки с крошечным окошечком-глазком. Нажимаю кнопку звонка. Пауза, потом слышится железный лязг, окошечко открывается. На меня мрачно смотрит крепкий парень, толстая шея распирает синий форменный воротник. Он не произносит ни слова, ждет. И я молчу, лишь подаю в окошечко документы. Охранник скрывается, теперь уже я терпеливо жду.

Много ли времени нужно, чтобы проверить подлинность документов в *глубине*? Немного, но куда больше требуется на торопливые звонки начальству.

Не возмущаюсь, жду. Поправляю прическу – будто с моим «крысиным хвостиком» что-то могло случиться. Я и сама, наверное, похожа на крысу: поджарую, злую, битую и травленную, привыкшую смотреть на мир без глупых иллюзий.

Ничего, так надо.

Дверь с грохотом открывается. Охранник козыряет и словно бы растерянно отступает в сторону, пропуская меня вперед.

За дверью – вовсе не тюремный двор, а полутемный коридор. Стена, судя по всему, толщиной метров пять. Это вовсе не показуха. Пока я иду, цокая каблучками по шербатому бетонному полу, в мой компьютер торопливо закачиваются нехитрые тюремные интерьеры. Коридоры, комнаты охраны и персонала...

Коридор кончается еще одной дверью. Охранник тянется, пытаясь открыть дверь, но я его опережаю.

И выхожу в тюремный двор.

Спортивная площадка и площадка для прогулок. Ухоженные клумбы вдоль дорожки, ведущей к тюрьме. Никогда не видела в России таких тюрем, ее проектировщик содрал дизайн с каких-нибудь американских, из самых новых. В такой тюрьме только перевоспитываться!

Охранник деликатно покашливает, я насмешливо смотрю на него. Вряд ли это настоящий служака из внутренних войск, повидавший настоящие тюрьмы. Здесь, в виртуальности, важны не физические данные.

– Идемте, – успокаиваю я охранника. – У вас всегда так безлюдно?

Мой доброжелательный тон охранника не успокаивает. Видимо, в сочетании с брюзгливо поджатыми губами и вечно наморщенным лбом доброжелательность кажется издевкой.

– Нет... не всегда... госпожа инспектор.

– Ничего, ничего, – говорю я так, что сразу ясно – очень даже «чего»!

Мы входим в помещение тюрьмы. Это административный этаж, и лишь решетки на окнах напоминают о суровой прозе жизни. Проходя мимо одного из окон, я провожу по стеклу кончиками пальцев. Так, чтобы немного лака с ногтей попало на стекло.

Охранник ничего не замечает.

Персонала немного – нам попадают две женщины в форме и разболтанный молодой человек в грязноватом белом халате. Молодой человек долго смотрит на меня, будто размышляет, следует ли познакомиться, или лучше юркнуть в ближайшую дверь. Благоразумие берет верх, и он скрывается в двери с надписью «контрольная комната».

В настоящей тюрьме здесь помещались бы мониторы внутреннего наблюдения. Очевидно, здесь – то же самое. Мне становится интересно, и возле двери я впечатываю каблук в пол сильнее обычного. Охранник оборачивается, делаю вид, что запнулась.

Крошечный термит, выбравшийся из каблука и деловито направившийся к двери, невооруженным глазом не различим.

Наконец-то кабинет начальника тюрьмы. У двери охранник останавливается, предоставляя мне инициативу.

Стучу по мягкой синтетической обивке, вызывающей воспоминания о тех незабвенных днях, когда квартирные двери делались из фанеры и дерматина, а не из легированной стали. И вхожу, не дожидаясь ответа.

Задержка почти неощутима, и все-таки она есть. Дверь открывается слишком медленно, будто пересиливаешь тугую пружину. Еще один сервер, а может быть – закрытый участок тюремного сервера... надо будет выяснить. Но сейчас я выбрасываю все это из головы и сухо-вато улыбаюсь начальнику тюрьмы.

– Добрый день.

Начальник тюрьмы под два метра ростом, мордаст и широкоплеч, форма на нем сидит как влитая, грозно посверкивают звездочками подполковничьи погоны. Нетрудно иметь бравый вид в виртуальности.

– Ваши документы.

Молча подаю ему удостоверение, приказ из Управления по Надзору, командировочное удостоверение. Что ни говори, а это замечательное изобретение бюрократии – командировка в виртуальный мир. Может быть, именно поэтому большинство государственных учреждений располагается на «независимых» международных серверах? Куда приятнее быть командированным в виртуальную Панаму или Бурунди, чем в банальный Звенигород.

Жалко, что виртуальную тюрьму все-таки поместили на сервере МВД...

Пока подполковник просматривает документы, с любопытством оглядываю кабинет. Ничего интересного в нем нет, но все-таки... самый маленький штрих может быть полезен.

– Садитесь... Карина Петровна.

Он на глазах мягчает. Наверняка глянул на год рождения.

– Первый раз с инспекцией, Карина Петровна?

Киваю. И с откровенностью круглой дуры добавляю:

– С виртуальной – да.

– Аркадий Томилин. Просто Аркадий. – Пожимаю крепкую ладонь. У него приятное рукопожатие, располагающее. – Честно говоря, я вначале напрягся.

Откровенность за откровенность...

– Виртуальные исправительные заведения – дело новое, непривычное. – Подполковник вольным жестом отбрасывает бумаги на стол. – И если их пытается инспектировать человек в годах, со старыми подходами, о *глубине* имеющий самые поверхностные представления... Вы курите, Карина Петровна?

– Курите, – разрешаю я. – Можно просто Карина.

Подполковник закуривает дорогие «21 век», в *глубине* распространяющиеся бес-
платно. То ли демонстрирует свою простоту, то ли благоразумно не хочет привыкать к дорогим сигаретам – в реальном-то мире тоже захочется курить...

– Вы в курсе ситуации с виртуальными тюрьмами?

Еще один жест. Никто не любит называть место своей работы тюрьмой. Самые неуклюжие словосочетания вроде «исправительно-трудовое учреждение» пользуются большей популярностью.

– В общих чертах – в курсе, – говорю я с заминкой.

– Тогда общий экскурс... Да, Карина, Петр Абрамович еще преподает?

– Преподает.

– Сто лет не видал старика... Так вот, первые шаги в этом направлении сделали американцы, мы, как всегда, отстаем. Всем ведь понятно, что зачастую исправительные учреждения своей цели не служат. Не перевоспитывают человека, преступившего закон, а лишь озлобляют, сводят с криминальной средой... замкнутый круг, мы словно готовим себе новый контингент!

А ведь в истории были, и неоднократно, примеры удачного перевоспитания преступников. Что такое Австралия, если вдуматься? Бывшая ссылка. Отправляли каторжников, ставили их в такие условия, что средством выживания становился честный труд, и добивались поразительных результатов! Каторжники создавали свое общество, перевоспитывались, население росло...

Почему-то мне очень хочется добавить про кроликов, которых тоже отправляли в Австралию. Но я молчу, лишь киваю.

– Цель идеальной тюрьмы – создать человеку условия для осознания своего проступка. Добиться катарсиса, настоящего покаяния. Но тут подход должен быть глубоко индивидуальный. Одному требуется заключение в одиночной камере и Библия под рукой. Другому – общение с людьми. Третьего надо просто научить читать, писать, дать хоть какую-то специальность! Но в обычной тюрьме такой индивидуальный подход невозможен. Вот в этом и смысл виртуальных тюрем. Квалифицированные юристы и психологи определяют, каким именно образом можно наставить преступника на путь исправления. И человек получает именно ту тюрьму, которая ему нужна! Необитаемый остров. Маленькую общину высоко в горах. Если требуется – то тюремную камеру, но чистую, сухую, теплую... Плюс – постоянные элементы психодрамы, целые спектакли, в которых они невольно участвуют, тем самым вставая на путь исправления...

Подполковник даже встает и начинает расхаживать по кабинету. Вожу за ним глазами, словно китайский болванчик.

– Итак, мы функционируем уже второй год. У нас более двухсот подопечных... все добровольно выбрали заключение в виртуальной тюрьме, разумеется. Контингент самый разный – от хакеров и распространителей нелицензионной программной продукции до убийц и насильников. В реальном мире их тела находятся в специальной тюрьме под Москвой... скорее даже это лазарет. Мы закупили специальные устройства, «дип-бокс», или *глубинный контейнер*. В них человек может находиться в виртуальности месяцами и даже годами. Дорого, скажете вы? Конечно! Но и обычное содержание под стражей обходится государству недешево. К тому же у нас на выходе будут получаться честные, осознавшие свою вину люди. А именно это наша цель. Не покарать преступление – оно уже совершено, а предотвратить преступления новые, вернуть обществу здорового, законопослушного гражданина...

Я все это знаю.

Хорошие и правильные слова говорит господин подполковник молоденькой инспекторше, первый раз прибывшей с проверкой в виртуальную тюрьму.

Вот только почему твои подопечные могут свободно выходить из замечательной виртуальной тюрьмы на улицы Диптауна? Или ты не подозреваешь об этом, Аркадий Томилин, офицер с прекрасным послужным списком?

Мне хочется задать этот вопрос, и я его задам. Но не сейчас. Потом.

А пока я слушаю – про великолепные системы безопасности, про защищенный от любых проникновений сервер, про психологов, медиков, про молодой персонал с незашоренным мышлением, про то, какие замечательные письма пишут родным вставшие на путь исправления заключенные.

0010

Нам подают чай. Суровая женщина в форме – на секретаршу она не походит, да и нет у начальника тюрьмы приемной. Наверное, работает в женском блоке тюрьмы.

– Чай хороший, – говорит подполковник. Кладет три ложки сахара, помешивает и добавляет: – Краснодарский. Мы используем виртуальные образы только российских продуктов.

Нашел чем гордиться!

Виртуальный патриотизм – это даже не смешно. Достаточно однажды разориться на настоящий чай, на те самые три верхних листика, вручную собранные с куста. Конечно, если ты олигарх из недобитых в начале века, то пей чай из тех, что «три доллара – грамм», хоть каждый день. Но на одну-то чайную церемонию скопить несложно. Зато потом наслаждайся настоящим чаем при каждом визите в *глубину*!

Но эти мысли я оставляю про себя. Пью чай. Не знаю, каков он для начальника тюрьмы. Для меня – мутноватая вонючая жидкость с плавающими поверх щепками. В такой чай и впрямь надо класть сахар, вгоняя в ступор настоящих ценителей напитка.

– Вы начнете с отчетности? – спрашивает подполковник мимоходом.

– Наверное. – Делаю вид, что размышляю. – Нет, наверное, вначале осмотрую условия содержания.

Начальник кивает. Либо ему все равно, либо хорошо притворяется.

– У меня с собой несколько сканеров, – добавляю я. – Знаете, есть мнение, что виртуальная тюрьма недостаточно защищена от побегов...

Аркадий смеется совершенно искренне.

– Побег? Куда, Карина? Ох уж мне эти динозавры от юриспруденции... Все наши подопечные спят крепким сном за высокими заборами. Вокруг – виртуальность!

– Да, – лепечу я, – но если убийцы и насильники смогут разбежаться по Диптауну...

– Предположим! – Подполковник готов идти мне навстречу. – Итак, кровожадный маньяк Вася Пупкин сумел убежать из виртуальной тюрьмы...

Бедный Василий Пупкин, автор учебника арифметики для церковноприходских школ! Не знал он, как жестоко расправятся с ним измученные задачками про бассейны и поезда ученики. Сделают его имя нарицательным, похлеще любого мистера Смита.

– И что же сотворит наш маньяк в виртуальности? – продолжает вопрошать Томилин. – А, Карина?

– Убийство, – предполагаю я.

– Виртуальное?

– А как же оружие третьего поколения? Которое убивает людей из виртуальности?

Понимаю, что стремительно падаю в глазах Томилина. Но ничего не поделаешь.

– Карина, года два назад ходили подобные слухи, – соглашается он. – Даже целые истории рассказывали. О том, как некий хакер погиб от виртуальной пули... Поверьте, шум был таким, что началось официальное расследование. Да, попытки конструировать «оружие третьего поколения» были. Но ничем не увенчались. Серьезные люди давно оставили эти исследования... разве что соответствующие службы еще сосут денежки из своих правительств.

– А если сексуальное насилие? – не сдаюсь я. – Ведь это в виртуальности возможно!

Тут подполковнику крыть нечем, и он сразу же теряет ироничность.

– Зато убежать из тюрьмы невозможно. Пожалуйста, проверяйте... я первый пожму вам руку, если вы докажете обратное.

Что-то я выхожу из роли. Старлей Карина, гордая от своей миссии, не должна отвлекаться на чай, пусть даже краснодарский, и бородастые анекдоты.

– Давайте начнем, – отставляю я чашечку. Чашечка красивая – черные с золотом розы на тонком фарфоре. Тоже отечественная, ясное дело.

– Следуйте за мной. – Голос Томилина тоже суровее.

Идем долго. Не менее трех решетчатых дверей – сервер-гейтов, погружающих нас все глубже и глубже в тюремную сетку. Я демонстративно вожу вокруг сканером – вполне исправным и довольно надежным прибором. Все чисто. Никаких подкопов. Эдмон Дантес зря потратил бы свои молодые годы.

Тюремный корпус и впрямь построен по американскому образцу. Приличных размеров помещение, пассаж, где вместо магазинов – зарешеченные клетушки в три этажа. Неожиданности начинаются, когда мы подходим к первой камере. Она пуста.

– Подопечный в своем пространстве, – говорит Томилин. – Видите дверь?

В камере и впрямь есть одна деталь, выбивающаяся из привычного тюремного интерьера. Между сверкающим унитазом и жесткой откидной койкой – занавешенный плотной серой тканью дверной проем.

– Это и есть та самая «внутренняя Монголия»? – позволяю себе вольность. Ну должна же была трудолюбивая инспекторша ознакомиться с тюремным жаргоном?

– Да, – с легким удивлением отвечает Томилин. – Сержант!

Один из надзирателей, молчаливо следующих за нами, гремит ключами и отпирает камеру. Вхожу вслед за Томилиным.

– Не надо, – отмахивается подполковник от бросившегося к портьеру сержанта. – Итак, Карина Петровна, весь наш контингент вправе отбывать свое наказание обычным образом, хотя и в виртуальности. Находиться в камере, работать в мастерской, посещать библиотеку и церковь... мы предоставляем услуги представителям пяти наиболее популярных конфессий. Однако есть и решающее отличие нашей тюрьмы от обычной. Каждый заключенный имеет собственное автономное пространство, как его неофициально называют – «внутреннюю Монголию». В каждом конкретном случае это пространство создается индивидуально, квалифицированными специалистами. Посещение вну... автономного пространства или же зоны катарсиса – это уже официальный термин – служит перевоспитанию преступника. Могу заметить, что случаи отказа от этой терапии крайне редки. Позвольте...

– Это не слишком бесцеремонно? – спрашиваю я.

И Томилин ощутимо меняется в лице.

– За находящимися в зоне катарсиса ведется непрерывное наблюдение. Они знают, что в любой момент надзиратель может прервать сеанс. Пройдемте.

Может быть, он начинал с патрульно-постовой службы?

Вслед за Томилиным я отдергиваю занавеску и вхожу в зону чужого катарсиса. В чью-то «внутреннюю Монголию».

А это и впрямь похоже на монгольскую степь!

Нет, я там не бывала. Даже через *глубину*. Но в моем представлении она так и выглядит: бескрайняя равнина до самого горизонта, каменистая земля с сухими стебельками высушенной злым солнцем травы, пыльный ветер, безоблачное небо. Очень жарко.

– Тс-с! – упреждает мой вопрос Томилин. – Вон там.

И впрямь, метрах в ста от входа – полощущегося прямо в воздухе серого полотнища, – сидит на корточках человек. Мы приближаемся, и человек оказывается щедрым, с жиденькими волосами и нездоровой бледной кожей типом.

Перед ним сидит на земле крошечная рыжая лисичка – фенек.

Можно подумать, что они медитируют, глядя друг на друга. Но в отличие от человека лисичка нас видит. И когда мы подходим совсем близко – разворачивается и обращается в бегство.

Человек горестно вскрикивает и лишь потом оборачивается.

Лицо у него тоже самое обычное. С таким лицом трудно назначать девушкам свидания – не узнают, не выделяют из толпы.

– Заключение Геннадий Казаков, осужден районным судом города... – вскакивая и закладывая руки за голову, начинает он вытверженную назубок формулу.

А статья у него плохая. Умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах.

– Я особый инспектор Управления по Надзору за исправительными заведениями, – говорю я. – Есть ли у вас жалобы на условия содержания?

– Жалоб нет, – быстро отвечает осужденный.

Во взгляде его не страх и даже не злость к тюремщикам. Раздражение! Самое настоящее раздражение человека, оторванного от очень важного дела ради какой-то ерунды. Больше ничего во взгляде нет.

– Пойдемте, – говорю я Томилину.

И мы оставляем Казакова в его «внутренней Монголии». Подполковник начинает говорить, едва мы выходим в обычную камеру.

– Это один из простейших, но на мой взгляд – изящный вариант зоны катарсиса. У заключенного есть выход в пустыню. Пустыня безгранична, но замкнута – попытавшись уйти, он вернется к прежнему месту. В пустыне обитает одна-единственная лисичка. Терпением и мягкостью заключенный может ее приручить. За последний год наш подопечный добился определенных успехов.

– Очень трогательно, – морщусь я. Постукиваю туфли каблуком о каблук – на пол сыплется мелкий сухой песок. – Хотя заключенный Казаков не очень-то похож на Маленького Принца. А что будет дальше?

– Когда он приручит лисичку, то сможет принести ее в камеру. Она станет совсем ручной, будет спать у него в ногах, бегать между камерами с записками... даже немножко понимать его речь. – Томилин чем-то недоволен, но рассказывает все-таки с увлечением.

– А потом?

– Вы догадливы, Карина. Потом фенек умрет. Он найдет ее в пустыне, дня через три после того, как лисичка перестанет приходить в камеру. И будет непонятно, то ли она умерла своей смертью, то ли кем-то убита.

Останавливаюсь. То ли от уверенного голоса начальника тюрьмы, то ли под впечатлением только что увиденного, но я представляю все слишком четко. Человек, стоящий на коленях перед неподвижным тельцем зверька. Крик, отчаянный и безнадежный. Пальцы, скребущие сухой такыр. И пустые глаза – в которых больше ничего нет.

Видимо, лицо меня выдает.

– Это *нарисованная* лисичка, – говорит подполковник. – Обычная программа «домашний любимец» с замедленным инстинктом приручения. Ее не надо жалеть, – он секунду медлит, потом добавляет: – а человека, зверски убившего свою жену, – тем более. Пережитый шок заставит его осознать, что такое боль утраты.

У меня на языке крутятся очень скептические вопросы. Но разве мое дело их задавать? Поэтому киваю, кручу вокруг сканером, уделяя особое внимание зарешеченному окну. Томилину смешно, но он старается не улыбаться.

Спасибо ему большое.

Мы проходим еще три камеры. В одной заключенный спит, и я прошу подполковника его не будить. Обитатели двух других странствуют по своим зонам катарсиса. Первая зона – город, где нет никого, вообще никого, но все время находятся следы недавнего присутствия

людей. Я сразу угадываю, что город предназначен для еще одного убийцы. Вторая зона – что-то подозрительно смахивающее на симулятор автогонок. Здесь раскаивается в своем преступлении шофер, покалечивший в пьяном состоянии несколько человек. Не знаю, не знаю... мне кажется, что веселый усатый мужик просто старается сохранить профессиональную форму. Впрочем, ему осталось сидеть всего полгода. Вряд ли он решится бежать, даже если его большегрузный «КамАЗ» проломит нарисованный забор и выкатит на улицы Диптауна.

Но сканером я работаю старательно.

– Дальше – заключенные под стражу за экономические преступления, – говорит подполковник. – Будете знакомиться?

Можно подумать, что убийцы и насильники для меня более интересны.

– Конечно.

– Взлом серверов, кража информации, составляющей коммерческую тайну. В общем – хакер, – представляет подполковник отсутствующего обитателя камеры. – В зону катарсиса пойдем?

– Давайте заглянем, – говорю я, стараясь не выдать волнения.

На экране детектора по-прежнему горит зеленый огонек – все чисто. Но этот огонек не играет никакой роли. Он для тех, кто глянет на экран через мое плечо.

Ничего не значащая буква F в углу экрана гораздо информативнее. Где-то рядом пробит канал на улицы Диптауна.

Ах какая замечательная идея – наказать хакера заключением в виртуальной тюрьме!

0011

Зона катарсиса хакера – подъезд многоэтажки. Грязноватый, с унылыми резиновыми ковриками у дверей. Почему у ковриков всегда такая тоскливая раскраска? Чтобы не сперли?

– Труднее всего перевоспитывать человека, совершившего экономические преступления, – сообщает вдруг подполковник. – Понимаете, Карина?

– Нет, не совсем.

– Ну посудите сами. – Он оживляется. – Вот простейший пример. Медицина лечит страшные болезни: оспу, чуму. А с банальным насморком справиться не может. Так и с преступлениями в экономической сфере: воровством данных, незаконным использованием программами. Поймать правонарушителя, наказать его – мы в силах. Но убедить его, что поступать так нельзя... Во-первых, сроки заключения небольшие. Совершенно нет времени на работу с человеком...

Мне почудилось, или в голосе Томилина сквозит огорчение?

– Во-вторых, очень трудно убедить человека, что его действия аморальны. Даже христианских заповедей не хватает. Сказано «не укради», но разве человек крал? Он всего лишь скопировал информацию. Пострадал ли конкретный человек? По сути – да. Но объясни провинциальному программисту, что Билл Гейтс страдает от незаконного пользования «Виндоус-Хоум», что певице Энии нужны отчисления от продажи дисков!

Я смотрю на Томилина с удивлением. Вот уж не ожидала, что он слушает Энию! Такие, как он, должны слушать музыку раз в год. На концерте в честь Дня милиции.

– Но мы все-таки не сдаемся, – со скромной гордостью говорит Томилин.

Мы идем по лестнице, Томилин легонько толкает каждую дверь. Наконец одна поддается. Входим.

Квартира. Как принято говорить – чистенько. Даже слишком уж аккуратно, учитывая доносящиеся детские голоса.

– Это квартира обычного российского программиста, – торжественно говорит Томилин, понижая голос. – Зовут его Алексей, жена – Катерина, дочь – Диана, сын – Артем. Имена, возраст, характер – все составлено на основе большой репрезентативной выборки. Это абсолютно стандартный программист.

У меня в груди шевелится смешок. Но я молчу, киваю.

– Алексей работает в фирме «Седьмой проект», занимающейся выпуском и локализацией игровых программ, – продолжает подполковник. – Но хакеры взломали сервер и украли новейшую игру, над которой программисты работали пять лет. Игра вышла на пиратских дисках, фирма на грани банкротства.

Вслед за Томилиным иду в гостиную. Мысли по поводу игры, которую делают пять лет, держу при себе.

А вот и наш программист. Он тощ, очкаст и небрит. Сидит на табуретке перед компьютером, на мониторе – строчки машинного кода. Судя по поведению Томилина, нас Алексей не видит. Впрочем, он и без того занят – положив руку на плечо конопатого мальчика, что-то втолковывает ему:

– Я понимаю, сынок. Мы обещали тебе велосипед, но нам с мамой сейчас очень трудно. У нас украли игру, которую мы так долго делали, и зарплату не платят.

– Но у всех ребят есть велосипеды... – горько отвечает ребенок.

– Ты ведь уже большой и сам должен понимать, – серьезно отвечает стандартный российский программист. – Давай договоримся, что к Новому году мы подарим тебе коньки?

Главное – не смеяться. Выйду из образа. Да и нехорошо – как-никак у ребенка горе!

– Хорошо, папа, – соглашается стандартный ребенок российского программиста. – Давай я помогу тебе отлаживать программу? И ты быстрее сделаешь новую игру.

– Давай, сынок. Если ее не украдут, то мы подарим тебе велосипед!

– Примерно такая вот психодрама, – шепчет мне на ухо Томилин. – Шоковая терапия.

Невесть отчего, но я вдруг вспоминаю старый-престарый фильм, еще коммунистических времен. Там действие происходило в пионерлагере, на сцене дети пели песню «На пыльных тропинках далеких планет...» А директор пионерлагеря, склонившись к важному гостю, шепнул...

– Эту песню Гагарин пел в космосе! – произношу я вслух. Непроизвольно. Само с языка слетело, честное слово!

И вдруг лицо Томилина едва заметно меняется. Вспыхивает и гаснет улыбка.

Вовсе ты не так прост, товарищ подполковник!

Но обдумывать это некогда. Я заговорила слишком громко – и из повернутого к нам спинкой кресла раздается досадливое кряхтенье. Кресло жалобно скрипит (и почему несчастный стандартный программист мучается на табуретке, когда есть другая мебель?). Над спинкой появляется сверкающая лысина. Потом – широкие плечи.

– Охо-хо... – вздыхает обладатель лысины, разворачиваясь.

Ну и шкаф!

Хакер вовсе не так толст и приземист, как мне показалось. Он просто широк. Тюремная роба на нем едва сходится, видна волосатая грудь.

– Заключение Антон Стеков, – с вальяжной небрежностью, хотя и без заминки, закладывая руки за голову, говорит хакер. – Осужден...

– Осуждён, – внезапно поправляет его Томилин.

– Осуждён, осуждён, – соглашается хакер. – По статье двести семьдесят два часть первая УК России...

На носу хакера – очки в тоненькой интеллигентской оправе. То ли линзы очень сильные, то ли он от природы пучеглаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.